

– «Это все подлинники, это мои друзья».

У меня осталось ощущение, что эта московская квартира, где читают стихи, не похожие на все, – живет сама по себе, отдельно от остальных домов и улиц. Она особенная.

Всеволод Николаевич и Анна Ивановна были одним целым и ушли вместе.

УДК 792.09:82 (476.7)

ББК 81.411.2

СПЕКТАКЛЬ БРЕСТСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ЛКСМБ “БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ”: ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Ю.В. Потолков,
к. фил. наук, доцент,
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Аннотация

В статье рассмотрены идейно-нравственные связи спектакля “Брестская крепость” с культурой народов-соседей – России и Украины. Обращено внимание на объективные переключки конфликтов спектакля с общечеловеческими коллизиями.

Ключевые слова:

Брест, театр, культура, аудиокнига, крепость, пьеса, война, актёры, зрители, спектакль.

19 марта 1953 года в Брестском областном драматическом театре имени Ленинского комсомола Беларуси под руководством режиссёра Александра Миронского состоялась премьера спектакля «Брестская крепость» по одноименной пьесе Кастуся Губаревича.

Премьера была повторена трижды: 19, 20 и 21 марта. В прессе спектакль справедливо был назван творческим памятником героям Великой Отечественной войны. Кроме того, спектакль обнаруживает свою гуманистическую связь с мировой культурой (в частности, с Библией), с культурами народов-соседей: России, Украины.

Соответствовал ли сюжет постановки реальным событиям обороны цитадели? Если иметь в виду конкретные исторические факты, то – не во всём: к тому времени о событиях обороны почти ничего не было известно. Если вести речь о соответствии нравственном, духовном, то оно в спектакле присутствовало в высшей степени. Недаром спектакль был принят зрителем горячо и воодушевлённо.

Судьба подлинно художественного произведения – жить вечно, то есть постоянно содержать в себе спасительную для читателя, зрителя, слушателя энергию. Сперва энергию ответа (“жить надо так!”), потом – энергию вопроса

(“как жить в будущем?”). Такой энергии и пьеса К. Губаревича “Брестская крепость”, и спектакль Брестского театра по этой пьесе – не растеряли. Во все годы своей сценической жизни они активно утверждали ответ: светло и праведно воспевали подвиг защитников цитадели и разоблачали имперский цинизм фашистских захватчиков. Такая совершенно оправданная и справедливая позиция по праву ставила пьесу и спектакль в ряд лучших произведений того времени на военную тему.

Прошли годы. Ответ “как жить дальше”, произнесенный драматургом и актёрами театра, остался в силе и даже прозвучал громче. Со временем становятся очевидными новые, ранее не востребованные, глубины пьесы и спектакля.

В распоряжении современника нет спектакля “Брестская крепость”: в нынешнем репертуаре театра он отсутствует. Но существует аудиокнига, содержащая радиоспектакль, созданный в 1954 году и идентичный постановке 1953 года – премьерной. Тот, кто слушает эту книгу в наши дни, живёт уже в новом информационном поле, обогащён знанием художественной литературы, во времена спектакля “Брестская крепость” почти неизвестной. Кроме того, события пьесы К. Губаревича “накладываются” на религиозные представления современного гражданина. Человечество, всё более зависящее от пресловутого “человеческого фактора”, ищет в искусстве прошедшего времени ответы на вопросы, о которых предшественники даже не помышляли.

Само выражение “брестская крепость” обнаруживает в этих обстоятельствах особую философскую содержательность. Оно обозначает не только архитектурное сооружение, не только место боёв и символ народного героизма, но и нравственный феномен подлинной, утверждённой действием, веры в общечеловеческие идеалы, то есть, *крепости* духа. Гитлеровцы и красноармейцы, противостоящие в пьесе друг другу, воспринимаются сегодня как силы, разделенные между собой по наличию именно такой веры. Это особенно заметно, если задуматься над библейским афоризмом “Каждому воздастся по вере его”.

Материал пьесы даёт основания для для подобного хода рассуждений. Обратимся к примерам. Когда боец Кукушкин, выпив предложенного фашистами шнапсу, вроде бы соглашается выступить по радио с обращением к гарнизону с призывом о капитуляции, немецкий капитан Траубе замечает “Истинно русская душа”. В заявлении такого рода звучит разоблачение тупоумного фашиста, и вместе с тем слова Траубе свидетельствуют: нравственным контрапунктом пьесы Губаревича оказывается проблема “русской души”. Драматург как бы уточняет этот вопрос: Кукушкин обращается к Траубе: “Харя ты некрещённая”. То есть оборона крепости – это защита именно духовных (в том числе и религиозных) идеалов. И в этой борьбе слепцы неверия пытаются одержать верх над зрячими в вере своей.

Даже партийный гимн “Интернационал”, который исполняют защитники бастиона в сцене клятвы у знамени, в свете такого понимания пьесы начинает звучать как духовное воплощение евангельского утверждения о том, что последние станут первыми. В обстановке, когда германские “сверхчеловеки” считают себя вправе решать судьбу встреченных ими в крепости “недочеловеков”, текст “Интернационала” “начинает звучать и как картина событий (“в смертный бой идти готов”), и как образ благородных евангельских страданий во имя правды. В “Интернационале”: ”Вставай. проклятем заклеймённый весь мир голодных и рабов...”, в Евангелии: “Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся” (Матф.5.6) защитники крепости деятельно жаждут правды; гитлеровские захватчики не менее решительно пытаются правду победить.

Пьеса К. Губаревича повествует о противостоянии слепых и зрячих. Физически, как военная сила, фашисты многократно превышают гарнизон крепости. Но они – слепы сердцем, и глаза их душевные навеки закрыты. Следовательно, вся их запредельная бесчеловечность не может привести к победе в войне. Это обстоятельство подтверждается многими полемиками, присутствующими в пьесе.

В одной из первых сцен происходит следующее: рота старшего лейтенанта Пенчука, посланная для разведки боем, окружена противником и понесла тяжёлые потери. Рядовой этой роты Михаил Кукушкин, оглушённый взрывом гранаты, попал в плен к эсэсовцам. Офицер Хельм допрашивает бойца: ”Может быть, ты теперь скажешь, почему твоя рота хотела прорваться из крепости? Может, твоя рота восстала против командования гарнизона и решила уйти? Или гарнизон решил оставить крепость и выслал роту в боевую разведку? Ну, что молчишь? Ты чего улыбаешься? Над кем смеёшься, свинья русская?”

Казалось бы, реплика Хельма по содержанию очевидна: перед нами – монолог торжествующего завоевателя, непоколебимо уверенного в превосходстве арийской расы над “русскими свиньями”.

По мнению гитлеровца, существует лишь одна причина человеческой инициативы: желание сохранить своё физическое существование. Но при внимательном осмыслении реплики становится ясным, что гитлеровец (может быть, впервые за время своего военного похода) усомнился в возможности победы фюрера: есть, оказывается, среди противников те, кто не сгибает колени перед “юберменшами”. При внешней бравате вопросы Хельма полны внутренней растерянности. Кукушкин оказывается для фашиста человеком, знающим нечто такое спасительное, до чего Хельм додуматься не может.

Вопли озверевшего Хельма невольно напоминают разговор Понтия Пилата и Иешуа Га Ноцри из романа М.Булгакова “Мастер и Маргарита”. Пятый прокуратор Иудеи, обладающий безграничной властью над бродячим философом и уверенный, что добрых людей не бывает, неожиданно начинает ощущать свою зависимость от Иешуа.

Задача человека во время войны (да и мира), как думает Хельм, – спасти свою шкуру любой ценой, не взирая ни на какие нормы морали. Поэтому если крепость осаждена, её гарнизону, по мнению эсэсовца, надо немедленно сдаться на милость завоевателя. Солдаты могут оставаться в крепости только по воле фанатичных командиров, то есть из-за страха перед наказанием. Никаких других стимулов к сопротивлению не существует, поскольку добрых людей нет. А боец молчит и улыбается. Почему? – таким бешеным вопросом кипит мозг эсэсовца.

Также смотрит на мир и фашистский капитан Траубе. Когда Кукушкин даёт согласие выступить по радио с чтением пропагандистского текста, обращённого к защитникам цитадели, Траубе, как сказано выше, доволен: ”Истинно русская душа!” Согласие советского солдата освободило фашиста от возникших было и в его сознании сомнений. Гитлеровцу вновь понятно, что русские – это “недочеловеки”, способные лишь подчиняться суровому германскому порядку. Значит, боевой клич “Готт мит унс” (“Бог с нами!) верен и победа рейха неизбежна. Но советский боец оборачивает своё выступление в страстный призыв к сопротивлению оккупантам. И сомнения захватчиков ожили вновь.

Рядовой Михаил Егорович Кукушкин – фигура в пьесе и в спектакле, безусловно, “ключевая”. За этим образом стоит глубокая фольклорная традиция. Это сказочный добрый молодец, находчивый солдат из сказок, мудрый весельчак в легендах многих народов мира. Сродни ему – Тиль Уленшпигель из романа Шарля де Костера “Легенда об Уленшпигеле”, персонаж многих народных песен. Очевидно и влияние образа Василия Тёркина из одноимённой поэмы А.Твардовского (Об этом, кстати, пишет и Л.Волчецкий в своей книге “Годы, спектакли, роли...” (с.57). В одной из сцен пьесы Кукушкин распевает переиначенную под события войны украинскую народную песню “Ой, нэ ходы, Фрыцю, тай на вэчорныци...”. Известно: персонаж этой народной песни погибает, наказанный за свои грехи. Так что зрители спектакля хорошо понимали намёки весёлого бойца.

Кукушкин признаётся, что его в крепости все знают. И это признание не случайно: гарнизон цитадели – это те же Кукушкины – герои-патриоты, верные отечеству.

Полемики в пьесе и спектакле могут восприниматься во всей своей нравственной общечеловечности. Обратимся, например, к сцене, где парламентёр Траубе является в крепость для переговоров и обращается к начальнику гарнизона комиссару Колесникову. Этот диалог по-своему близок к известному фрагменту Евангелия, где ко взалкавшему Христу обращается диавол: “Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился от Иордана и поведён был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от дьявола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал. И сказал ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим”(Лк.гл.4. 1 -4).

Как читал бы эти строки человек, которому пришлось защищать цитадель летом 1941-го?.. Траубе искушает Колесникова, а с ним и весь гарнизон: требует капитуляции. Надеется на то, что жажда, голод, раны сломают защитников:

Траубе: Значит, у вас и воды нет.

Колесников: Наша сила в людях, а не в воде.

Ответ начальника гарнизона едва ли не дословно повторяет суждение Сына Божьего о том, что не хлебом одним...Защитники Брестской крепости, таким образом, остаются в народной памяти единым героем вечности, согласившимся на безводье и бесхлебье во имя Слова Божьего, которое есть родина. А родина – одного корня с: родной, родня, природа, рожать...Таким же искупителем грехов человеческих отстались защитники цитадели в пьесе, в спектакле и в памяти народной. Возлюбили! Выстояли! Не посрамили...

И если мы рассматриваем спектакль в контексте современных ему жизненных реалий, то признаём: Евангелие оказывается именно одной из таких реалий.

При осмыслении идейно-художественного своеобразия спектакля “Брестская крепость” отдельного разговора заслуживает музыка в постановке. В начальной сцене представлен субботний вечер 21 июня 1941 года. Офицеры собрались в командирском клубе. Лейтенант Саша Пенчук напевает романс:

Миновали волшебные сны.
Но забыть я тех снов не умею
Слышу плеск и роптанье волны,
Вижу тёмного сада аллею.
Вижу образ твой вечно живой,
Слышу ласкою полные речи,
Сердце бьётся, как прежней порой
В ожиданьи обещанной встречи.

Вряд ли лейтенант Пенчук из пьесы задавал себе вопрос о том, кто и когда создал любимый им романс. Но драматург, подбирая текст романса, несомненно этим вопросом интересовался: без такого знания нельзя было бы соблюсти единство действия в пьесе. Не безразлична была история романса и для кого-нибудь из эрудированных зрителей. Тем более важны все возможные сведения о романсе были для музыкантов, сопровождающих спектакль.

В 1951 году на должность заведующего музыкальной частью театра был приглашён профессиональный композитор, преподаватель музыкального училища, участник Великой Отечественной войны Марк Александрович Русин (1921 – 1977). Он получил серьёзную профессиональную подготовку: окончил Московский музыкально-педагогический институт имени Гнесиных; занимался по классу композиции у Арама Ильича Хачатуряна. История романса была, конечно, Марку Александровичу известна.

Романс, который в пьесе исполняет лейтенант Пенчук, принадлежит перу русского беллетриста, поэта и критика Александра Алексеевича Измайлова (Смоленского, 1873 –1921, сына диакона, священника Смоленского кладбища). Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию.

Историки литературы отмечают, что лучше всего ему удавались рассказы из духовного быта. Главным ориентиром для А.Измайлова стало творчество А.П. Чехова. Александр Алексеевич критиковал революционную литературу, спорил с позицией А. Горького в романе “Мать”. Все это следует учитывать, осмысливая настроенность спектакля “Брестская крепость”.

Стихотворение “Я хотел бы тебя позабыть...”, в котором есть строки ставшие романсом “Миновали волшебные дни...”, было опубликовано в книге А.А. Измайлов [1].

Лирический герой романса – личность душевно богатая, исполненная романтического нравственного чувства. Это обстоятельство следует подчеркнуть особо: спектакль “Брестская крепость” в Брестском театре имени ЛКСМБ значителен среди прочего утверждением духовной культуры как решающей силы в военном противостоянии.

Романс в спектакле оказывается равноправным с воинами защитником рубежей отечества: дикой агрессии гитлеровцев противостоит в крепости не только праведная военная сила советских солдат и их верность присяге, но и высокая внутренняя организация души каждого из героев обороны.

По ходу действия локальное, казалась бы, произведение, не претендующий на широкие обобщения романс, оказывается преддверием глобального осмысления нравственной сути войны в спектакле: в его музыкальную картину вплетены фрагменты “7-й Ленинградской” симфонии Дм.Шостаковича, в которых представлен образ врага.

К этим фрагментам по своему сюжетному предназначению близок и романс на слова А.Измайлова. А предназначение таково: показать крайнюю нравственную несовместимость света защитников крепости и тьмы её захватчиков.

Присутствие “7-й Ленинградской” симфонии в спектакле воспринимается сегодня особенным образом, если осмыслить это присутствие в свете написанного уже после 50-х, в 1961-м году стихотворения русского поэта Александра Межирова “Музыка”:

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души, и тела
Война проклятая попраля!
Какая музыка во всём.
Всем и для всех – не по ранжиру!
Осилим... Выстоим... Спасём...
Ах, не, не до жиру – быть бы живу...

Солдатам голову кружа,
Трёхрядка под накатом брёвен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.
И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души, и тела топтала.
Стенали яростно, навзрыд
Одной – единой страсти ради
На полустанке – инвалид
И Шостакович – в Ленинграде.

Судьбы осаждённого города на Неве и Брестской цитадели, окружённой врагами, несомненно перекликались. Известны слова Дм. Шостаковича о Ленинграде: “С болью и горечью смотрел я на любимый город. А он стоял опалённый пожарами, закалённый в боях, испытывавший глубокие страдания войны и был ещё более прекрасен в своём суровом величии”. Не те же ли чувства испытывали защитники цитадели, а позднее драматург и актёры Брестского театра, взирая на величественные руины крепости?

Е. Линд – создатель музея Седьмой симфонии – о премьере гениального произведения Д. Шостаковича, которая состоялась 9 августа 1942 года, сказал следующее: “Произошло небывалое, не значащееся ни в истории войн, ни в истории искусства: “дуэт” симфонического оркестра и артиллерийской симфонии. Ни один снаряд не упал на Площадь Искусств. Но зато на головы врага из радиоприёмников, из репродукторов потрясающим всепобеждающим потоком обрушилась лавина звуков, доказав, что дух – первичен. Это были первые залпы по Рейхстагу”.

Зрители спектакля “Брестская крепость” 1953 года были хорошо знакомы с Седьмой симфонией Дмитрия Шостаковича и услышав тот самый ”дуэт” со сцены, вновь пережили высокое чувство преклонения перед подвигом защитников и укрепили в себе убеждённость в том, что дух – первичен.

Сцена и зрители “Брестской крепости” в едином порыве “стенали яростно, навзрыд”. Стихотворения ещё не было, а чувства народные, приведшие Александра Межирова в 1961 году к стихотворению “Музыка”, уже были. И поэтому звучали над всеми присутствовавшими на премьере и романс, и трёхрядка в руках защитника крепости бойца Кукушкина, и Седьмая Ленинградская симфония, и “Интернационал”, и “Рассвет на Москве-реке” Мусоргского и финальная песня “Варяг”, исполняя которую, подрывают себя последние защитники цитадели. Погибают “одной-единой страсти ради”...

Присутствие песни “Варяг” в спектакле должно было восприниматься зрителями по-особому. Как показало время, защитники цитадели считали эту

песню “своей”. Недаром один из героев обороны Фёдор Герпаненко написал стихотворение, которое исполнялось на мотив “Варяга”:

Расскажут лишь камни об этих боях,
Как насмерть герои стояли.
Здесь русский, бурят, армянин и казах
За родину жизнь отдавали [2].

Здесь стоит напомнить: в годы войны существовала песня о крепости, созданная неизвестным автором. Она исполнялась также на мотив “Варяга”. Её пели тогда и белорусские партизаны, и военнопленные в гитлеровских концлагерях (текст песни см. выше).

Следует полагать, что песня эта была известна и К.Губаревичу, и артистам театра, и зрителям спектакля. Очевидно, что финал спектакля и описанная в песне героическая ситуация весьма созвучны: в них выступает образ боевого знамени, под которым, по призыву раненого комиссара идут в бой последние оставшиеся в живых защитники цитадели.

Литература

1. Смоленский, А. Стихотворения / А.Смоленский. – С.-Петербург, 1905. – С. 51.
2. Этот день мы приближали, как могли...: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны. Минск, 7-8 мая 2015 г. – Мн., 2016 г. – С.113.

УДК 811.161.3'28(476.7)

ББК 81.411.3

ГАВОРКА ВЁСКИ БЕЛАЯ КАМЯНЕЦКАГА РАЁНА: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Я.Р. Самуйлік,
к.фил.н., доцент
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Анотацыя

У артыкуле разглядаюцца асноўныя фанетычныя, марфалагічныя і лексічныя асаблівасці гавара вёскі Белая Камянецкага раёна. Акрамя таго, адлюстраваны найбольш значныя факты гісторыі дадзенага пункта, якія паўплывалі на фарміраванне мовы яго жыхароў.

Ключавыя словы

Заходнепалескія гаворкі, гаворкі, вёска Белая Камянецкага раёна, фанетыка, марфалогія, лексіка

Вёска Белая размешчана ў межах Камянюцкага сельсавета, за 27 км на поўнач ад раённага цэнтара горада Камянца. Паводле звестак, прадстаўленых краязнаўцам Георгіем Мусевічам, можна меркаваць, што село Белая заснавана каля 1560 г. Па іншых крыніцах гэта паселішча вядома з сярэдзіны XIX –